

УБОРКА В ПЛАТЕЛЬНОМ ШКАФУ¹

1.

Я сторонница минимализма —
у меня пустовато в квартире
Философия вещизма
прошла мимо
моего поколения
За тряпками —
мы не ползали на коленях
и не ползали по церквам
Я желала чтоб ты был свободным
Ты сам —
чтоб другие были свободными

Я выбрасываю вещи из шкафа —
всякое старье негодное
Мне не жаль быть свободной от вещей и
владения — какое облегчение — когда
вещи не имеют значения

¹ В Германии не приветствуется, когда молодые люди уходят добровольцами на фронт бороться в Сирии с террористами. Когда они возвращаются домой, их допрашивают, изымают паспорта и вещи в качестве улики, и пытаются навязать связи с ПКК. Власти считают, что эти люди портят имидж страны перед лицом мирового сообщества. Тем более, не идет речь о том, чтоб почтить память погибших в Сирии в борьбе с терроризмом.

Быть или иметь — вот в чем вопрос
Твой рюкзак в шкафу прячется —
его стоимость — моя бессонница
и три литра слез

Не бойся —
я перевернула его и встряхнула
из бокового кармана посыпалась пыль
Выгоревшее хаки пахнет костром
и теплом
гильз

Синим маркером замазаны сверху цифры
потому что *там* — никаких имен
Не бойся — я тебя не брошу —
будешь ездить со мной с квартиры на квартиру
до скончания времен

2.

Пыль Сирии на полу в моей спальне
и на моих дрожащих пальцах
Ты вернулся живым и невредимым
потому что я сильно желала —
оставайся свободным и счастливым
несмотря на саранчевое жало
и того кто споткнулся
о саранчевую пулю
он упал в сирийскую пыль — он —
не вернулся

А я споткнулась о сожженную библиотеку —
тысячи костров листают останки Мосула
Раскрошили свои древние святыни и
Бога
Я стала современницей темного века —
злого рока — возвращения средневековья

Врата Бога — превратили в пустыню
и предвечное в ней уснуло

Но кто-то совсем не вернулся —
он обагрил чужую пыль — он
где-то в другом месте проснулся
По нему теперь стенают и плачут
Выплачешь насмерть глаза —
все равно не поднимется
но молчит старая Мачеха —
даже если мое сердце вынет себя —
скупая на слова — беззрячая

3.

Конец войны увидят только мертвые —
сказал Платон еще в те времена
Я сидела на лекциях по философии и
не знала — Платон мне пригодится —
в моей жизни будет война

В моем шкафу стоит рюкзак потертый
Он пахнет до сих пор костром и смертью
помнит гул ветра и Евфрата воды —
Конец войны увидит только мертвый —
так размышлял философ — о человеческой
природе

ВДРУГ

Вдруг возник волшебный вечер из ничего
из невидимой точки в воздухе и все потому что
я свернула в темноте не в тот переулок
Темнота — переулки — средневековое живое
Шпили — узкие окна в высоту меня — камня
гудящие по ночам своими древними голосами —

видели хождения святых и сожжение женщин
под именем ведьма

Устремились тогда в небо все дома и церкви
от боли —
потому что камень милосреднее чем люди
и деревья милосрднее и косули обереченные
на убой

Я шла в темноте слепо следуя сердцу
и старалась не слушать отголоски веков —
о сожженных женщинах и убитых оленихах
и о затравленных детях

Я шла в темноте не полагаясь на глаз —
он меня так часто обманывал и я
отключила в тот вечер глаза — окна открытые
отдыхали от дневной духоты — и я
услышала Брамса

Я видела как
Брамс в темноте сбежал из окна на свободу
по небу фиолетовому пробрался следом
за солнцем
в алую прослойку
меж звездной синевой и горизонтом
Сердце последовало за ним слепо — или смело
Не одно ль и то же — очарованная я смотрела
как звуки искрятся и проясняются звезды —
Где-то там и моя — ждет

Сердце мое стремилось — уповая —
звезда как и душа — она всех принимает
Брамс ко мне спустился — подхватил под руку
и понес ввысь — кружил — я забыла где нахожусь

сладко пахло липами в темноте
Брамс — такой нежный и сладкий — легче всех

У тебя даже печаль приятная — моей душе эликсир
Я забыла про земное — я и стоя на земле о нем
нечасто помнила — а теперь — в вечернем небе
полет

И глаза прикрыла — если смерть придет
когда позовет меня моя звезда — Брамс —
будь со мною рядом — возьми меня
за руку и проводи туда —

Пусть за Брамсом охладят руки
Пусть глаза закроются при Брамсе —
так легко уйти в погожий вечер — вздохом
когда Брамс играет небосводом

ТРУБАДУРНАЯ ДУРОЧКА

В юности мне сказал авторитет — от литературы —
лучше пиши прозу и оставь стихи —
они у тебя — и безмолвно поморщился
Я держалась подальше от стихов — выполняя завет
— преодолевая свою натуру
проживая жизнь с лицом заговорщицы
но больше сил нет — претворяться
признаюсь — я трубадурная дурочка —
паяцца

(а авторитет я до сих пор уважаю)

Он сказал — стихи слабоваты — а
проза с каждым днем становится ясней и лиричней
язык все более элегантнее — строки ритмичнее
и все меньше вокабуляра дамского и простоватого

(не говорил ли он тогда о стихов сложении и —
это мое подозрение — о стихов творении)

Смог бы авторитет спасти меня — ту
которая не хочет спастись —
столько лет преодолевала себя
трубадурная дурочка — паяцца

Сдала себя — нет больше сил — не в моей власти
сопротивляться — опустив руки
принимаю от нее науки по ночам — а днем
она в пучину бытия ввергает — это
другие страсти

Он сказал — стихи мои слабоваты —
видимо ей все равно — она с каждым днем
все больше к себе забирает — меня
все мое существо — я не сопротивляюсь
погружаясь в пучину бытия —
Поэзия

MEA CULPA

Несколько лет назад плакала придя на исповедь
я мирянка — простите отец — любила
мужчину больше Бога и веры
только произнесла — признала ведь —
захлопнулись двери за мною — это была мера
или кара — и зашло светило

И пошла —
Не прощена не убелена не приголублена
Ветер гнал меня в спину от церкви а не от Бога
Вдоль обочины простирался мой путь — не дороги
А с обочиной — она всех принимает —
С нею давно подружилась

Под ногами ни земли ни пола ни тротуара
Невесомую — ногами вперед — нес меня ветер
Ветер сентябрьский — напрямиком к речке
А она осталась позади — та что луковицей в небо
говорила о любви о прощении о вечном

Речка была осенняя а небо жадным
Острые камни песок холодный — сняла туфли —
Моя жизнь — никчемно-жалкая и Богу ненужная
Может рыбам — сидя на камне думала
Думами усыпляла себя и памятью
Впадая в сон бредовый неуловимо
Мой спаситель стал — ясный лик возлюбленного
И она — река — протекла мимо

Я очнулась от холода — как это
Сердце от холода только сильнее замерзает
Позади осталась та что луковицами в небо
устремилась а этот сон на камне — не знаю
был он или не был

Я вернулась в жизнь и больше не плакала
Церковь не приняла меня — река проплыла мимо
А сегодня святой отец я делаю поправку
Mea culpa — я тогда неясно вам объяснила

Это был не мужчина — скорее мальчик
Кто поранен — тот не будет ранимым
Тот кого любила — бесконечно ясный
Бесконечно чувственный уязвимый
С тонкою кожей стройный и русый
Ослепительный словно Бог — я бы сказала —
Русский — с ним моя душа и летала

Дорогой отец — таких не причащают
Зеленоглазых — изгоняют из церкви
Длинноногих — почти бессмертных —
Длинноволосых топят или сжигают

Хотите нет — хотите верьте
Не оценить мою любовь не измерить —
Я любила святой отец всю душою
Мы с ним летали — и звенело тело —
Я любила душой — вот и истина
Но ее оболгали

Исповедь — кто мне теперь поверит
Мою любовь не осквернить не запретить
не измерить

ДЕВУШКА И ПЕРСИКИ

Жадно смотрю на персики
Слюна обволакивает нёбо
Обволакивают запахи рынка
Целое небо
Мысленно у лотка вкушаю
Цвета луны мягкость
Кожиц прохладных касаюсь
Кончиками пальцев

С рынка ухожу — уплываю
В голубые детские страны
Персики зреют на воле
Старых кораблей капитаны
Бороздят бездонное море
И усами бороздят океаны

Вы стоите в очереди? —
спрашивает старая дама
Вздрагиваю — нет — простите

Место у лотка занимаю
Сколько центов в портмоне осталось
Судорожно вспоминаю
Упиваюсь запахами по преступной цене
Дорогая дама
Сами персики недоступны мне

NATURA

В шелесте листьев искали знак
В дуновении ветерка — посыл
В речи туземной — в стихах чужеземных
Школу для себя и великий смысл

Напевом рифм исцеляли врак
Душевный или тела и головы
А я вернулась к вещественности
Улицы гомона сплетни толпы
Не погружаясь в их мрак

Пища
Разложена взвешена в воздухе разлита
Упрессована — повсюду — кормись
Бери сколько можешь нести —
Жизнь
Успей донести до стола

Пиши
Или вот лужайка скамья
Кафе метро библиотека кино
Очередь в учрежденьи окно
С подоконником невиданой ширины

Я прищуриваюсь — утоляю глаза
Сидя на подоконнике — полутона
Формы линии срыв нагота — фигуры
Совершенство драмы и невозможного

Я пишу с натуры —
Как это делают художники

БЕССОННИЦА

Голос прорезывается как прорезываются зубы
с температурой бессонницей болью
Хожу из угла в угол —
губы обкусанные — кровью
шепчут в полутемноте

Тапками по полу — шир-шир-шир
скоро развалятся — из угла в угол
мир — спит —
бездна тишины вокруг — меня
обволакивает ночное чудо —
без дна — бездна — бездонное

Бессонница —
такая же огромная — Небо
неопознаваемое — непознанное
звенит от напряженной тишины
а внутри —
оркестрик играет —
хочет пробиться в мир
В темноте — шир-шир-шир

Пишите —
Еще пара минут — еще чуть-чуть
присела к столу — в темноте беру
лист
Тишина — не дышите —

ЛЕРМОНТОВУ

Звезда мне не светит
и даже со мной не говорит
напрасно заглядываю в электронный ящик
И Юность ушедшая
чего-нибудь стоит —
старая и Новая — но нет —
и Знамя не колыхнется
полное молчания и безветренно —
Штиль
И другие — тоже за высоким забором

Вот она — я — свежая кровь
бит бит бит бит
Миллионы битов мыслей
и ударов сердца в секунду
Вопли Мунха и Гинзберга —
как всегда — вопиющие в пустыне

Высока гора меж теми и мной
А эти — меня подпирают
Говорят — у каждого свой Эверест
но я знаю —
не стоит забираться на каждую
попавшуюся вершину или крест
Лермонтов — кроме Звезды
есть еще солнце
которое светит всем